

и «Ах, Пушкин, Пушкин...», пожалуй, могут соперничать с произведениями тех авторов, что из кожи лезут, лишь бы выглядеть «оригинальными».

И сразу же партийная печать обрушилась на него: «У Решетова исчерпался круг тем живой жизни, всё чаще замыкается он в узком чуланчике личных творческих переживаний. Настораживать это должно тем более, что очень многие из последних стихов Решетова проникнуты некоей надмирной скорбью, нотами разочарования и обречённости... Известно, что художественное творчество успешно развивается лишь в том случае, когда получает принципиальную, доброжелательную и требовательную, подлинно партийную оценку».

Виктор Петрович в дискуссию не вмешивался.

Своё изруганное стихотворение Решетов упорно печатал:

*Пора замаливать стихи,
Стихи замаливать пора мне,
Встав за кузнечные мехи
Или обтёсывая камни.
Откуда знать, в конце концов,
Быть может, я ценою муки
И отыскал своё лицо,
Но потерял при этом руки.*

Правда, после «Белого листа» новые сборники стихов Решетова не выходили в течение 11 лет — с 1964-го по 1975-й (если не считать второго издания «Белого листа» в 1968 году).

Виктор Петрович не забыл злополучное стихотворение, только первую строку переделал: «Пора замаливать грехи». Значит, так и не понял, что эти стихи непросты — они об извечной трагедии художника.

Как-то я пожаловался Алексею:

— Что-то меня совсем перестали печатать.

— Ты что, с дуба рухнул? Не знаешь о чёрном списке идеологического отдела обкома?

Решетова нельзя было не любить. Лев Иванович Давыдычев и Володя Михайлюк собирали его рукописи. Алексей же больше всего дорожил мнением Надежды Гашевой — его лучшего редактора. Что касается Астафьева, он в ту пору, по-моему, был далёк от всеобщего обожания Алексея.

Через много лет в номере газеты «Звезда» от 9 января 1998 года напечатано письмо Астафьева: «Стихотворение Алексея Решетова «Не плачьте обо мне» украсит любую хрестоматию... К сожалению, и в этом году, несмотря на все старания поклонников Алёши, с премией ему ничего не вышло, хотя я писал Ельцину насчёт Алёши и назвал его современным Баратынским. Не подействовало, не верят прислужники царёвы, что в провинции может существовать и творить замечательный поэт, да ещё тот, который о себе вестей не подаёт».

На следующий год в красноярской серии «Поэты свинцового века» с подачи Виктора Петровича выходит книга Алексея Решетова «Не плачьте обо мне», а стихотворение с таким названием он посвятит Астафьеву.

Я читал всё, что написал Астафьев, — то, что ещё не было собрано в 15 томов собрания его сочинений. У него был большой круг чтения, помимо русских авторов в него входили Клиффорд, Мэккин, Маркес, Трамбо, Джеймс Джойс, Павич, Диккенс, Хименес, Данте, Рабле, Моруа, Ремарк и множество других.

Рассказу, который когда-то так меня поразил в Спортивной гавани Владивостока, Астафьев дал другое название — «Живи и помни». Я перечитал его с прежним волнением — раньше не понимал, что в него заложен, изящно выражаясь, сюжет моей судьбы.

Эпиграф к рассказу «Сон о белых горах» во второй части «Царь-рыбы» — из Уолтера Мэккина, «Зелёные холмы Ирландии»: «Было время, когда туристов и видом не видывали и слухом не слыхивали. Разве что приедет в кои веки раз какой-нибудь, чтобы потом книгу написать. А ещё того раньше, если людям попадался турист, они или тут же забивали его, или требовали за него выкуп на том веском основании, что он, наверно, вражеский шпион. И, как знать, может, только так с ними и надо было обращаться».

Помню, в студенческие годы мы зачитывались этой книжкой в мягкой

зелёной обложке. У Мэккина — юмор, может быть, черноватый. А у Астафьева в «Царь-рыбе» это всё по-серьёзному. Знал бы я, что Виктор Петрович в «Царь-рыбе» так любительски опишет реалии геологической работы в тайге «одинокого волка» с экзотической фамилией! Ну не так ищут золотые россыпи, когда «с клячем лязят по прибрежной шехре, аремникам и кочкам!» Каждый из геологов счёл бы за честь помочь любимому писателю. Но он не нуждался ни в моей, ни в чьей бы то ни было помощи. Глянул бы, усмехнулся и сказал что-нибудь вроде: «Война на Тихом океане!» Пойми: это не имеет никакого значения, ровно никакого значения. А имеет значение то, что сказал один английский чувак: «И вертится планета, и летит/ К своей неотвратимой катастрофе».

Последний роман Астафьева, «Прокляты и убиты», голосованием членов Русского ПЕН-центра назван лучшим произведением о Великой Отечественной войне. Классический роман Гроссмана «Жизнь и судьба» несколько голосов уступил обжигающей каждой строкой прозе Астафьева.

Кажется, об этих книгах пророческие строки Решетова 1966 года: Астафьев — «горькая книга», и Гроссман — книга «о жизни и подвиге».

*Мне надо бы горькую книгу создать
О жизни и подвиге наших солдат.
Да вряд ли мой стих —*

с умилением в нём

Пройдёт испытание Вечным огнём.

«Достойный выкормыш вождя» — так Астафьев отозвался о маршале Победы Георгии Жукове. Наверняка Виктор Петрович читал Бродского:

*Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий*

в штатской

Белой кровати? Полный провал.

Что он им скажет, встретившись

в адской

Области с ними? «Я воевал».

Перед словами «Я воевал» чудится удар кулаком по столу и краткий русский титул для связки речи.